

ДИАЛЕКТИКА КРИЗИСНОЙ КОНВЕРГЕНЦИИ: ТРАНСФОРМАЦИЯ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ГОСУДАРСТВА И БИЗНЕСА В УСЛОВИЯХ СВО И САНКЦИОННОГО ДАВЛЕНИЯ

Аннотация

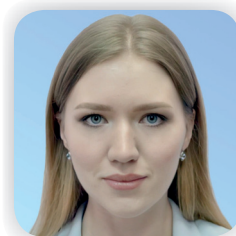
Статья посвящена анализу трансформации взаимодействия государства и бизнеса в России в условиях санкционной изоляции и внутренней политической мобилизации. Рассматривается формирование модели управляемой институциональной конвергенции, в которой бизнес интегрируется в политическую архитектуру как инструмент легитимации и ресурсной поддержки государственной повестки. Освещаются кейсы ухода и возвращения иностранных компаний, механизмы цифровой мобилизации, а также отдельные случаи сотрудничества государства и бизнеса. Подчеркивается двойственный характер модели как адаптивной меры в условиях кризиса и потенциальной основы новой парадигмы в экономике и политике.

Ключевые слова: институциональная конвергенция, специальная военная операция, мобилизационная экономика, санкционное давление, экономический суверенитет, импортозамещение, возвращение иностранного капитала, цифровизация.

Автор

Загидулина Дарья Владимировна

Аспирантка кафедры сравнительной политологии
Российского университета дружбы народов
имени Патриса Лумумбы
(Москва, Россия)

Современная российская политическая система переживает трансформацию, обусловленную внешнеполитическим давлением и внутренней мобилизацией. Специальная военная операция (СВО), начавшаяся в 2022 году, и последовавшие санкции изменили взаимодействие государства и бизнеса, сделав политическую лояльность и стратегическую координацию приоритетами. Экономика, подчиненная политическим целям, становится инструментом государственной повестки, а бизнес — ее участником, что формирует новую модель институциональной конвергенции, основанную на сближении функций власти и частного сектора.

Настоящее исследование опирается на методы политологического анализа, включая кейс-стади, сравнительный анализ, институциональный анализ и анализ дискурса. Кейс-стади использованы для изучения конкретных примеров взаимодействия государства и бизнеса, таких как уход и возвращение иностранных компаний (ExxonMobil, McDonald's) и применение цифровых платформ («Госуслуги для бизнеса», «МСП.РФ»). Институциональный анализ выявил влияние формальных институтов (парламента, партий) и неформальных механизмов (цифровых платформ, GR-практик). Анализ дискурса применен для оценки символической роли бизнеса в поддержке

государственной политики. Эмпирическая база включает академические статьи, СМИ (РБК, ТАСС), официальные документы (выступления Президента на РСПП) и статистику НИУ ВШЭ.

В политологическом контексте трансформация взаимодействия государства и бизнеса описывается через *институциональную конвергенцию* — процесс сближения функций государственных и рыночных институтов, при котором они начинают замещать или дублировать друг друга, формируя новые модели управления. Термин, восходящий к работам Дж. К. Гэлбрейта и П. А. Сорокина, адаптирован для анализа современной России, где бизнес участвует в государственных задачах (поддержка СВО, импортозамещение), демонстрирует политическую лояльность и интегрируется в цифровые платформы [8]. Операционально конвергенция измеряется через участие бизнеса в стратегическом планировании, финансирование социальных проектов и координацию через парламент и партии.

Связанными концептами являются *мобилизационная экономика* и *управляемая конвергенция*. Мобилизационная экономика — это модель, где экономические ресурсы и бизнес-процессы координируются государством для достижения политических целей, таких как устойчивость в условиях санкций или поддержка СВО. Это выражается в перераспределении грантов, налоговых льгот и субсидий для МСБ с приоритетом на оборонные и социальные задачи. Управляемая конвергенция подразумевает направляемое государством сближение бизнеса и власти через формальные институты (Госдума, «Единая Россия») и неформальные механизмы (цифровые платформы, GR-практики).

Применительно к взаимодействию государства и бизнеса в условиях санкционного давления и мобилизационной экономики, институциональная конвергенция проявляется в сближе-

нии функций управления, контроля и ресурсного перераспределения, когда бизнес вовлекается в решение задач публичного значения. Подобная модель также может быть проанализирована сквозь призму концепции государственного капитализма (И. Бреммер) [10] и теории двухуровневой игры (Р. Патнэм) [15], согласно которой внутренние и внешние политические процессы взаимно обусловлены, а элиты балансируют между внутренними интересами и внешними вызовами. В этом контексте бизнес становится не только объектом экономической политики, но и инструментом реализации внешнеполитической стратегии государства, что делает его участником более широкой системы политического регулирования.

Сложившаяся ситуация ускорила процессы институциональной конвергенции — сближения интересов и функций государства и предпринимательского сектора. Если ранее взаимодействие власти и бизнеса носило преимущественно инструментальный и нормативно-ограничительный характер, то сегодня прослеживается тенденция к интеграции бизнес-структур в реализацию приоритетов государственной политики, в том числе в социальном и оборонном секторах [1].

Появляется новая модель сотрудничества, где бизнес выполняет не только экономические, но и некоторые государственные задачи. Важным фактором, укрепляющим сближение бизнеса и власти, стало понимание, что интересы российского и иностранного бизнеса взаимосвязаны. Уход иностранных компаний из России принес убытки обеим сторонам, показав необходимость новой модели взаимодействия, которая учитывает цели государства и потребности предпринимателей.

Крупные компании обеспечивают материальную и гуманитарную поддержку участникам СВО, реализуют корпоративные программы помощи мобилизованным и их семьям, участву-

ют в восстановлении разрушенной инфраструктуры. Одновременно малый и средний бизнес (МСБ) все активнее вовлекается в реализацию задач по импортозамещению, региональному развитию и цифровой трансформации. Механизмы государственной поддержки МСБ, включая гранты, налоговые послабления, кредитные программы и субсидии, перераспределяются с учетом текущих политико-экономических приоритетов. В этой модели государство выступает не только регулятором, но и активным координатором бизнес-процессов.

Цифровизация в современной России выходит за рамки сугубо технологической трансформации хозяйственной деятельности и приобретает характер институционального механизма политического управления. По данным Института статистических исследований и экономики знаний НИУ ВШЭ, более 78 % российских организаций задействуют цифровые экосистемы и платформы для оптимизации деловых процессов [4]. Однако значимость таких решений, как «Госуслуги для бизнеса», платформа «МСП.РФ» и региональные цифровые кабинеты предпринимателя, заключается не только в упрощении административных процедур и снижении транзакционных издержек [9]. Эти инструменты становятся элементами новой архитектуры взаимодействия государства и предпринимательского сообщества, способствуя переопределению самих границ между публичной и частной сферами.

В условиях ограниченного международного диалога, санкционного давления и роста внутренней политической мобилизации цифровые каналы обретают функцию легитимации и канализации интересов. Через них формируется новый тип политической коммуникации, в котором предприниматели получают возможность не только обращаться за мерами поддержки, но и участвовать в оценке регулирую-

щего воздействия, встраиваться в стратегическое планирование, участвовать в программировании региональных проектов. Таким образом, цифровая среда становится пространством не просто сервисного взаимодействия, а символической и процедурной интеграции бизнеса в систему государственного управления. Это приводит к тому, что государство получает инструменты мягкой мобилизации экономических субъектов, а бизнес, в свою очередь, — новые формы институционального присутствия и политического участия.

Цифровизация расширяет доступ бизнеса к информации, упрощает взаимодействие с органами власти и повышает прозрачность решений. Одновременно она усиливает контроль, собирая данные для аналитики и прогнозирования, что превращает бизнес в объект цифрового мониторинга. Формальные политические институты, такие как Госдума и «Единая Россия», играют ключевую роль: рабочие группы при парламенте разрабатывают меры поддержки лояльного бизнеса, а партия координирует предпринимательские инициативы, связанные с СВО и патриотическими проектами. Таким образом, цифровые платформы и политические институты формируют новую архитектуру управления, обеспечивая реализацию государственной повестки.

Важным примером политической координации бизнеса является программа «СВОй бизнес», запущенная «Единой Россией» и Корпорацией МСП в марте 2025 года для поддержки ветеранов СВО и их семей. В рамках партпроекта «Предпринимательство» партия инициировала обучение предпринимательским навыкам и разработку мер доступного кредитования МСП, начав с Рязанской области и Татарстана, с планами расширения на Северную Осетию и Приморье. Эта инициатива иллюстрирует управляемую конвергенцию: бизнес вовлекается в решение социальных и политических задач, таких

как социализация ветеранов, под руководством партии, что подчеркивает приоритет политической лояльности над экономической автономией. Программа также отражает региональную вариативность, усиливая роль «Единой России» как института, формирующего новую архитектуру взаимодействия власти и предпринимателей [14].

Процессы институциональной конвергенции в современной России приобретают форму гибридной адаптации, при которой границы между государственным управлением и частной инициативой постепенно размываются. В условиях внешнеполитического давления и мобилизационной экономики бизнес оказывается не только в роли объекта государственного регулирования, но и выступает активным участником реализации стратегических задач. Особенно отчетливо это проявляется в деятельности крупных компаний. Многие из них осуществляют поддержку социально значимых инициатив, направленных на укрепление патриотизма — от финансирования проектов помощи военнослужащим и их семьям до участия в информационно-просветительских кампаниях, реализуемых совместно с государственными структурами. В корпоративную практику входят элементы символической политики: организация благотворительных мероприятий, освещение значимых событий в корпоративных СМИ, участие в медийных и волонтерских проектах. Эти формы вовлеченности служат не только инструментом социальной ответственности, но и механизмом политической лояльности, обеспечивая бизнесу устойчивое положение в новой конфигурации власти и экономики.

Таким образом, возникает особая форма неформализованного участия бизнеса в политике, сопряженная с возрастанием его ответственности и вовлеченности в репрезентацию государственной позиции. Это не классическое лоббирование в западном понимании,

а скорее политическое участие, развивающееся в условиях ограниченной конкуренции интересов и при ведущей роли государства как инициатора и координатора повестки. Государство не только мобилизует бизнес на решение внешнеполитических и социальных задач, но и частично делегирует ему ответственность за стабильность социального порядка.

Также происходит перераспределение символического капитала: участие бизнеса в проектах, поддерживающих внешнеполитический курс государства, становится фактором институциональной лояльности и элементом публичной легитимации предпринимательской деятельности. Это особенно заметно в региональных кейсах, где компании, выступающие спонсорами патриотических проектов или гуманитарных инициатив, имеют возможность получить доступ к субсидиям и участвовать в инвестиционных программах. Таким образом, возникает механизм обратной политической интеграции, при котором власть признает лояльный бизнес как полноценного институционального партнера.

Особую значимость в этом контексте приобретает региональное измерение конвергенции. В условиях асимметрии социально-экономического развития и различий в институциональной плотности на местах, взаимодействие власти и бизнеса в субъектах Федерации строится по уникальным сценариям. В ряде регионов (например, Москва, Татарстан, Тюменская область) можно наблюдать устойчивые формы институционального партнерства, где бизнес участвует в формировании региональной повестки, финансирует социальные и инфраструктурные проекты, интегрирован в систему стратегического планирования. В других — конвергенция имеет преимущественно административный характер, сводящийся к обеспечению формальной лояльности и воспроизводству централизованной

модели распределения ресурсов. Это создает неравномерность политико-институциональной среды, что, в свою очередь, ограничивает универсальность национальной модели взаимодействия государства и бизнеса.

Перспективы дальнейшего развития данной модели во многом зависят от международной обстановки, динамики санкционной политики и внутреннего политического курса. В условиях неопределенности и потенциальной реинтеграции отдельных иностранных игроков российская сторона демонстрирует стремление к формированию частичной открытости, в которой доступ к экономическому участию осуществляется на основании политической лояльности и стратегической значимости. Это задает вектор институционального развития, в котором экономические формы взаимодействия становятся частью общей архитектуры власти, а не автономной системой рыночных отношений.

Экономические последствия ухода иностранных компаний с российского рынка продемонстрировали значительные масштабы взаимной зависимости. Например, по экспертным оценкам, только американские компании суммарно понесли убытки на сумму порядка 300 миллиардов долларов, из которых ExxonMobil оценила потери от выхода из проекта «Сахалин-1» примерно в 4 миллиарда долларов, McDonald's — 1,3 миллиарда долларов, а PepsiCo — около 1,6 миллиарда [13]. Кроме того, по состоянию на конец 2024 года, по данным консалтинговых агентств, около 62 % компаний из стран, введших санкции, полностью вышли с российского рынка, из них большинство (а именно 143 компании) продали свои активы российскому бизнесу или локальному менеджменту [11]. Эти данные иллюстрируют масштаб структурной перестройки российского рынка и подчеркивают актуальность институциональной конвергенции как

стратегии адаптации и устойчивости национальной экономики.

В то же время санкционная политика и последовавший уход ряда крупных иностранных компаний из российской экономики выявили не только масштаб внешнеэкономических потерь, но и внутренние ресурсы для восполнения утраченных связей. Отечественный бизнес, адаптируясь к новым условиям, занял освободившиеся ниши, инициировал создание альтернативных производственных цепочек и активизировал импортозамещающие процессы. В ряде случаев это сопровождалось не просто восполнением утрат, но и формированием устойчивых направлений роста, ранее зависимых от внешнего участия. В результате чего уход зарубежных компаний стал фактором ускоренной институциональной переориентации, способствовавшим укреплению позиций государства как системного координатора и модератора экономических процессов.

Одним из важнейших последствий ухода иностранных компаний стал процесс институциональной переориентации отечественного бизнеса. Вынужденный оперативно реагировать на резкое сокращение глобального экономического участия, российский бизнес переключился на локальные производственно-институциональные сети и модели кооперации, стимулируемые государством в рамках политики импортозамещения и технологического суверенитета. Такая переориентация затронула не только производственные стратегии, но и управленческие практики, формы взаимодействия с органами власти и корпоративную культуру. Вместо ориентации на международные стандарты и внешнюю конкуренцию отечественные предприятия стали в большей степени полагаться на внутренние механизмы координации, усиливая тем самым институциональную конвергенцию с государственными структурами [6].

Национальная платежная система «Мир», запущенная для обхода санкционных ограничений и ставшая ключевой после ухода Visa и Mastercard в 2022 году, представляет собой инструмент политической мобилизации, выходящий за рамки финансовой функциональности. Как отмечается, спрос на карты «Мир» резко возрос, а их использование в связке с UnionPay для международных платежей подчеркивает адаптацию к санкциям [2]. Однако «Мир» выполняет и символическую функцию, укрепляя легитимацию государственной власти через патриотический дискурс. Ограничения на ее международное использование, вызванные угрозами вторичных санкций США, как в случае отказа другими государствами, к примеру Турции и Узбекистана, от обработки карт, подчеркивают политические границы институциональной конвергенции. Эта двойственность — успех в мобилизации внутренних ресурсов и уязвимость на глобальной арене — отражает гибридный режим, где государство координирует бизнес для достижения политических целей, но сталкивается с внешними вызовами, требующими новых форм институционального маневрирования.

В результате чего устойчивость во внутреннем рынке удалось поддержать с помощью платежной системы «Мир». Однако введение санкций против российских банков странами Запада стало вызовом для российских компаний, которым пришлось искать пути обхода ограничений платежей, что приводит к увеличению расходов и цен для конечного потребителя.

В то же время вопрос возвращения иностранных компаний в российскую экономику выходит за рамки сугубо экономических расчетов и приобретает ярко выраженное политическое измерение. В новых условиях участие зарубежного бизнеса в национальной хозяйственной системе становится предметом политического выбора: государство допускает лишь те компании,

которые не просто готовы инвестировать, но и демонстрируют готовность работать в логике государственной стратегии. Это означает, что экономическая активность транснациональных компаний оценивается с позиции их политической нейтральности или лояльности, а также способности встроиться в долгосрочные цели страны.

Создаваемая система допуска строится на ряде обязательных условий. Среди них — высокий уровень локализации производства, передача технологий, участие в научных разработках, создание совместных предприятий с российскими партнерами [11]. Кроме того, важной становится репутационная составляющая: наличие долгов перед сотрудниками и государством, связь с недружественными организациями, участие в антироссийских инициативах — все это может стать основанием для отказа. Государство таким образом формирует механизм избирательной реинтеграции: доступ получают только те, кто готов работать по новым правилам и не конкурировать с уже сформировавшимися российскими производителями [12].

Этот подход получил институциональное оформление через обсуждение конкретных критериев возврата компаний и оценки рисков, связанных с их повторным выходом на рынок. Например, по данным отраслевых исследований, порядка 60 % компаний из недружественных стран завершили уход с российского рынка, а половина из них передала активы российскому бизнесу или менеджменту. Возвращение таких игроков требует осторожного подхода, так как оно затрагивает интересы уже адаптировавшихся предприятий. Поэтому бизнес-сообщество участвует в оценке возможных последствий допуска иностранных фирм, предлагая ограничить их доступ к приоритетным секторам и ввести переходные периоды для защиты национального производства [5].

Политические факторы все больше определяют допуск иностранных компаний в экономику России. Они участвуют не как независимые игроки, а как часть системы, где рыночные интересы бизнеса не могут противоречить национальным интересам государства. Оно не только регулирует экономику, но и задает ценности, связанные с суверенитетом, безопасностью и стабильностью. С политологической точки зрения это указывает на переход к модели, где доступ компаний зависит от соответствия государственным целям, а власть регулирует, участвует и обеспечивает соблюдение своих ожиданий.

С политологической точки зрения это свидетельствует о переходе от классических рыночных моделей взаимодействия к формату условного допуска, в котором государство одновременно играет роль регулятора, актора и гаранта политической лояльности. Подобный подход способствует укреплению внутреннего контроля над экономикой, но также означает усиление зависимости экономических решений от политических оценок, что может повлиять на гибкость системы в долгосрочной перспективе.

Возвращение иностранных компаний формирует новый тип взаимодействия, где их экономическая деятельность связана с политическим одобрением и соответствием целям государства. Это подчеркивает ключевую роль государства в управлении капиталом и показывает изменения в модели сотрудничества власти и бизнеса.

В такой конструкции бизнес, включая иностранный, рассматривается не как автономный экономический актор, а как часть политической архитектуры. В результате чего в условиях санкционного давления и внешнеполитической нестабильности в России формируется модель экономической устойчивости, основанная на активной роли государства, быстрой адаптации нормативных механизмов и включении бизнеса

в реализацию приоритетных задач [7]. Такая модель показывает высокую эффективность в краткосрочной перспективе: она позволяет оперативно реагировать на внешние вызовы, сохранять контроль над стратегическими отраслями и перераспределять ресурсы в ключевые направления.

Однако вместе с устойчивостью возникает и внутренняя напряженность. Жесткая координация со стороны государства, ограниченный доступ внешних участников, политизация экономических решений и высокая зависимость от централизованных механизмов могут ослабить гибкость и способность системы адаптироваться в долгосрочной перспективе. Особенно это становится заметно в условиях возможного изменения внешнеполитической обстановки или попыток реинтеграции иностранных инвесторов.

Таким образом, можно говорить о двойственной природе складывающейся модели: с одной стороны, она обеспечивает управляемость и устойчивость в кризисных условиях; с другой — содержит риски институциональной перегрузки и недостаточной адаптивности в случае международной политической и экономической турбулентности.

В результате чего институциональная конвергенция государства и бизнеса в современной России формируется не как равноправный диалог между двумя субъектами, а как управляемая политическая адаптация, обусловленная мобилизационной логикой, внешнеполитическим давлением и необходимостью обеспечить внутреннюю устойчивость [3]. В сложившейся системе государство сохраняет доминирующую позицию, одновременно делегируя бизнесу определенные функции публичного значения: от социальной поддержки и патриотического воспитания до обеспечения экономической безопасности. Такое взаимодействие можно рассматривать как модель, в ко-

торой бизнес интегрируется в государственную систему и действует согласно ее установленным правилам.

В то же время эта модель демонстрирует черты сетевой гибкости, позволяя региональным властям, цифровым платформам и отдельным группам интересов варьировать форматы участия в соответствии с локальной повесткой.

Модель конвергенции сталкивается с рядом ограничений. Во-первых, бизнес часто участвует в государственных задачах из-за политических требований, а не по собственной инициативе, что сдерживает инновации и ограничивает обратную связь. Во-вторых, из-за доминирования государства бизнес теряет часть независимости, становясь исполнителем политико-экономических решений, а не их равноправным участником. В-третьих, региональные различия и неравный доступ к цифровым инструментам затрудняют создание единой системы взаимодействия, снижая ее устойчивость.

С точки зрения политической науки, описываемая трансформация указывает на смену парадигмы взаимодействия между государством и бизнесом. Ранее подобные отношения анализировались через призму корпоративистской модели, где государство заключает институционализированные соглашения с представителями крупного капитала, и плюралистической модели, при которой бизнес, как и другие группы интересов, конкурирует за влияние на принятие политических решений через легальные каналы (лоббизм, ассоциации, экспертные структуры).

В России формируется гибридная система управляемой конвергенции, где бизнес становится инструментом выполнения государственных задач, а не только участником переговоров. Экономические структуры помогают властям укреплять легитимность через поддержку социальных и оборонных проектов. Цифровые технологии упрощают взаимодействие, но также усиливают контроль государства, расширяя доступ

к ресурсам. Эта система включает: мобилизационную экономику, где рынок подчиняется государственным целям; цифровое управление, где платформы служат не только для обслуживания, но и для контроля; а также поддержку проектов, которая подтверждает лояльность бизнеса и одобряется обществом.

Традиционные категории политической науки трансформируются: публичная политика теперь больше связана со стратегическим управлением, чем с открытым обсуждением; партнерство государства и бизнеса включает не только контракты, но и идеологические аспекты; бизнес становится частью государственной системы, сохраняя частичную автономию. Это отражает не просто смену подходов, а формирование новой модели отношений власти и бизнеса.

Таким образом, мы наблюдаем не просто изменение в формах взаимодействия, а трансформацию самого институционального поля, где власть и бизнес взаимно модифицируют друг друга, образуя новый тип политико-экономического устройства.

Анализ показывает, что взаимодействие государства и бизнеса в России переживает глубокие изменения из-за внешних и внутренних факторов. Специальная военная операция, санкции, ограничения международных связей и потребность в мобилизационном подходе привели к созданию нового формата отношений, отличающегося от традиционного партнерства. В условиях кризиса роли перераспределяются: бизнес начинает выполнять задачи, близкие к государственным, такие как социальная поддержка, логистика и импортозамещение.

Это взаимодействие сопровождается усилением цифровизации управленческих процессов, формированием новой цифровой инфраструктуры для коммуникации с бизнесом, а также усилением политического контроля и избирательного допущения к экономическому участию.

Анализ показывает, что модель взаимодействия государства и бизнеса не ограничивается подчинением бизнеса власти. Это гибкая и адаптивная система, где бизнес, несмотря на меньшую независимость, играет важную роль, поддерживая государственные цели и укрепляя доверие к решениям власти. При этом государство расширяет свои функции, координируя процессы и обеспечивая стабильность системы в условиях внешних вызовов.

Политические последствия институциональной конвергенции проявляются в появлении новых каналов для выражения интересов бизнеса — через цифровые платформы, парламентские механизмы и рабочие группы при органах власти. Это связано с перераспределением ресурсов: компании, демонстрирующие лояльность и ценность, получают доступ к институтам, ранее связанным с государственным управлением. При этом государство формирует систему выбора экономических участников, оценивая их соответствие стратегическим целям страны и готовность к сотрудничеству в условиях санкций.

Такие процессы свидетельствуют о трансформации бизнес-среды из рыночной в административно регулируемую, где участие в экономике требует соответствия политическим ориентирам государства.

Опыт взаимодействия с иностранными компаниями, ушедшими из России

после 2022 года, весьма показателен. Их возвращение возможно только при соблюдении строгих условий: локализации производства, передачи технологий и сотрудничества с российскими партнерами. Это включает внешних участников в систему, в которой требуется соответствие государственным ожиданиям, что отражает общие изменения в отношениях власти и бизнеса.

Можно говорить о формировании модели управляемой конвергенции, в которой взаимодействие бизнеса и власти перестает быть исключительно прагматическим и все больше становится элементом общей политической архитектуры. Эта модель сочетает черты мобилизационной экономики, цифровой трансформации и избирательного инклюзивного подхода. Ее институционализация носит адаптационный характер: с одной стороны, она укрепляет устойчивость системы в условиях внешнего давления, с другой — порождает риски избыточной политизации экономических решений и ослабления автономии частного сектора. В долгосрочной перспективе жизнеспособность данной модели будет зависеть от способности поддерживать баланс между стратегическим контролем и предпринимательской инициативой, обеспечивая при этом институциональное доверие и воспроизводство правил игры, не зависящих от текущей политической конъюнктуры.

Литература

1. Авцинова А.А., Макаров И.Н., Ковалева Н.А. Современные модели взаимодействия власти и бизнеса // РЕГИОН: системы, экономика, управление. — 2018. — № 1 (40). — С. 177–182.
2. Антипов А.А., Артамонова Я.С. Антироссийские санкции и современное цифровое общество в Российской Федерации // Закон и власть. — 2023. — № 4. — С. 58–61.
3. Антонова А.Ю. Конфликт интересов власти и бизнеса в современной России // Власть и бизнес — 2020. — № 2–3 (36–37). — С. 161–169
4. Васильковский С.А., Орлова В.А. Развитие бизнеса на цифровых платформах // Цифровая экономика. — 2023. — [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://issek.hse.ru/news/820948356.html> (дата обращения: 09.04.25).
5. Егоров Д.О., Чатунова Д.И. Иностранные компании в российской экономике после начала СВО // Мониторинг экономических преобразований. — 2024. — № 1. — С. 72–95.

6. Земцов С.П., Баринова В.А., Михайлов А.А. Санкции, уход иностранных компаний и деловая активность в регионах России // Экономическая политика. — 2023. — № 2 (18). — С. 44–79.
7. Кузнецов А.Г., Клышко С.А. Трансформация GR-практик Российского союза промышленников и предпринимателей (РСПП) в условиях специальной военной операции и санкционного давления // Бизнес. Общество. Власть. — 2024. — № 3–4 (53–54). — С. 380–399.
8. Снопченко А.С. Теория конвергенции и проблемы глобализации мира // Молодой ученый. — 2018. — № 24 (210). — С. 264–266. — [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://moluch.ru/archive/210/51643/> (дата обращения: 03.03.2025).
9. Шейкин А.Г. Создание единого цифрового портала для взаимодействия государства и предпринимателей // Парламентская газета. — [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://www.pnp.ru/politics/sozдание-edinogo-cifrovogo-portala-dlya-vzaimodeystviya-gosudarstva-i-predprinimateley.html> (дата обращения: 04.04.2025).
10. Юрьев А. «Война» двух систем капитализма: быть или не быть? [Электронный ресурс] // МИД РФ, Редакция журнала «Международная жизнь». 2009–2024. — [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://interaffairs.ru/news/show/572> (дата обращения: 03.03.2025).
11. Возврат с гарантиями: на каких условиях иностранный бизнес сможет возобновить деятельность в России // РБК. — 2025. — [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://www.rbc.ru/newspaper/2025/04/11/67f684079a7947863719cfa7> (дата обращения: 11.04.2025).
12. Выступление Президента Российской Федерации на пленарном заседании РСПП // Официальный сайт Президента России. — 2024. — [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/76474> (дата обращения: 26.03.2025).
13. Миллиарды за выход: как компании из США теряли средства, покидая Россию // ТАСС. — [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://tass.ru/ekonomika/23174727> (дата обращения: 21.03.2025).
14. «Единая Россия» запустила федеральную программу «СВОй бизнес» для участников спецоперации и членов их семей // Официальный сайт «Единой России». — 2025. — [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://er.ru/activity/news/edinaya-rossiya-zapustila-federalnuyu-programmu-svoj-biznes-dlya-uchastnikov-specoperacii-i-chlenov-ih-semej> (дата обращения: 18.04.2025).
15. Putnam R.D. Diplomacy and Domestic Politics: The Logic of Two-Level Games // International Organization. 1988. — Vol. 42, No. 3. — P. 427–460. — [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <chrome-extension://efaidnbmnnnibpcajpcglclefindmkaj/https://www.guillaumenaicaise.com/wp-content/uploads/2013/10/Putnam-The-Logic-of-Two-Level-Games.pdf> (дата обращения: 14.04.2025).